

Весной 283 года лунхуаской эры, на седьмой день середины первого лунного месяца, в Ваньшоуюане — одном из пяти южных садов столицы — состоялся Праздник долголетия, приуроченный к пятидесятилетию императора Юнь Синя. Поздравительные посольства прибыли от десяти вассальных государств империи: Кореи, Чосена, Казахского ханства, Юэчжи, Мьянмы, Лаоса, Аннана, Сиама, Тямпы и Идзумо — одного из трех восточных государств, наряду с Тоин и Фусаном. Были также приняты послы пяти стран: Сяси, Старуэла, Индии, Нидерландов и Португалии (причем португальцы прибыли вслед за голландцами исключительно как купцы, чтобы получить царские милости и попутно разведать возможность для торговли). Хотя масштабы этого праздника уступали былым временам всеобщего благоденствия, он все же поражал своей роскошью и величием. Более двух тысяч иностранных посланцев получили щедрые дары: в общей сложности пятьдесят тысяч лянов золота, шесть миллионов восемьсот тысяч лянов серебра, свыше сорока тысяч изделий из золота и нефрита, а также более двадцати тысяч рулонов шелка и узорчатой парчи. С учетом прочих расходов общие затраты составили свыше двенадцати миллионов лянов серебра, что равнялось десятой части годового дохода государственной казны.

После Праздника долголетия Бай Тайань, Лу Яо и Чжан Чусин были произведены в ремесленники шестого ранга, Шан Нань и Лу Гэ — в ремесленники седьмого ранга, Се Фань — в ремесленники четвертого ранга, а Се Хай занял пост главного инспектора Ремесленной палаты, получив чин младшего третьего ранга.

Весна 283 года лунхуаской эры, седьмой день первой декады второго месяца. Дом Се Хая в Нанкине, неподалеку от Шичахая во Внутреннем городе.

Се Фань, Шан Нань, Бай Тайань, Лу Гэ, Лу Яо и Чжан Чусин друг за другом сидели по обе стороны парадного зала.

Дорогие племянники, собирая вас здесь сегодня, я хочу прежде всего сказать одно: Поднебесная уже охрепла смутой. Пользуйтесь моментом, пока все не покатилося в окончательный хаос, и возвращайтесь-ка лучше поскорее по домам, — произнес Се Хай и тяжело вздохнул.

Дядя Се, в столице все же поспокойнее, чем в провинции, — заметил Шан Нань.

У себя на малой родине, опираясь на влияние ваших семей, вы еще сможете обеспечить себе безопасность. Но в разгар такой смуты разве сыщется хоть одно по-настоящему надежное место? Возвращайтесь домой, к родителям. Это всяко лучше, чем мыкаться на чужбине, заставляя отца с матерью трепетать от страха и изводить себя ежедневными тревогами и тоской. Из всех вас пятерых лишь у Ананя дом в столице, а остальные — кто откуда, с разных концов земли. Я уже подготовил для вас официальные подорожные грамоты и удостоверения личности. Через пару дней я передам их вам, а ехать или нет — решайте сами.

Скажите... а можно мне отправиться в Циньифу? — неожиданно задал вопрос Чжан Чусин, прозвучавший крайне неуместно.

Чжунхэ, зачем тебе туда? — сурово спросил Се Хай.

Да ни к чему особенному, просто хочется заглянуть в Циньфу, взглянуть на всё своими глазами, — поспешно оправдался Чжан Чусин.

А вы, дядя Се? — обратились к нему братья Лу.

Я никуда не поеду. Старик я уже, ноги не держат. Другое дело Афань — он хочет пройтись по белу свету, своими глазами всё увидеть, — ответил Се Хай.

Дядя Се, мы все поняли. Простите, что в эти дни мы доставили вам столько хлопот, — сказал Бай Тайань, поднимаясь со своего места и отвешивая глубокий поклон Се Хаю.

Шан Нань, Лу Гэ, Лу Яо и Чжан Чусин поднялись вместе с ним и тоже почтительно поклонились.

Ладно вам, хорошо разводить тут эту слезливую сентиментальность, — сказал Се Хай, поднимаясь. — Раз уж собрались, так не расходитесь. Вечером посидим все вместе. А Чжунхэ... твоего кулинарного мастерства мы все ждем с большим нетерпением.

Услышав это, Чжан Чусин мгновенно скорчил кислую физиономию, вызвав всеобщий дружный смех.

Этим вечером семья Шан Наня, семейство Се Хая и Се Фаня, а также Бай Тайань, Лу Гэ, Лу Яо, Чжан Чусин и Чэнь Цзыюнь — всего больше десятка человек — напились до положения риз. Пусть они были знакомы чуть больше полугода, между ними успела завязаться крепкая привязанность. Особенно это касалось семерки друзей — Се Фаня, Бай Тайаня, Лу Гэ, Лу Яо, Чжан Чусина и Чэнь Цзыюня: несмотря на разницу в возрасте, их нравы прекрасно сошлись и они искренне прикипели друг к другу душой.

В эту ночь небо усыпали яркие звезды, а в усадьбе Се царила веселая и благополучная атмосфера. Однако на севере, в районе Цзянхуай и Сунцзян, ханьская армия под предводительством Лю Туна уже вплотную подступила к Цианцину, главному городу Хуайнани, и земли Цзянхуая и Сунцзяна висели на волоске. На юге Золотая Орда точила оружие: сотни тысяч отборных всадников в любой момент были готовы ринуться в северный набег. На востоке, в трех провинциях Гуаньчжун, хотя пока еще удавалось сохранять относительную безопасность, новый наместник Ван Хуачжэнь совершенно не умел воевать. В провинции Юньнань, граничившей с Индией, последняя недавно получила финансовую помощь от Франции и Англии вместе с новейшим огнестрельным оружием и теперь замышляла грандиозную войну. Дошедшая до ручки империя Лунхуа стояла на пороге заката, и эту древнюю землю ждал краткий миг непроглядной тьмы перед самым рассветом.

Три дня спустя Чжан Чусин и Чэнь Цзыюнь сели в Тяньцзиньвэе на корабль, следовавший из Тяньцзиня в Цихайфу провинции Юйлинь. Остальные тоже отправились в путь каждый по

своему назначению.

Чжунхэ, ты едешь в Цинъи ради того самого господина Сюй? — спросил Чэнь Цзыюнь.

Пожалуй, что так, — ответил Чжан Чусин, стоя на носу корабля и глядя на бескрайнее море в лучах заходящего солнца. — Цзыюнь, как думаешь, где наш истинный приют в будущем?

Где? В твоём сердце и там, где ей положено быть.

Цзыюнь, а я погляжу, ты совсем испортился, — заметил Чжан Чусин.

Оба переглянулись и улыбнулись, плечом к плечу застыв в закатном мареве.

<http://bllate.org/book/21108/2142437>